

5. Ingrim R. Der Griff nach Oesterreich. Zuerich, 1938.
6. Carsten F.L. Faschismus in Oesterreich. Muenchen, 1977.
7. Мочалин Д.Н. Вена на баррикадах. М., 1964.
8. Enzyklopaedie des Nationalsozialismus. Muenchen, 1938.
9. Der Brockhaus Geschichte. Mannheim/Leipzig, 2003.
10. Турок В.М. Очерки истории Австрии (1929–1938). М., 1962.
11. Митрофанов Н. М. Австрия в 1918–1938 годах. М., 1951.

9(430)

О. Г. Субботин

КОНФЛИКТ БАВАРИИ И РЕЙХА 1921 Г.

29 августа 1921 года правительство Германии издало распоряжение о защите республики и объявило о введении чрезвычайного положения на территории всей страны. Спровоцированное убийством экс министра финансов М. Эрцбергера, в своей основе оно было направлено против действующих на территории страны правозащитных организаций и объединений и в конечном итоге стало причиной кризиса конституционно-правовых отношений Баварии и рейха.

Односторонние действия центра, не прошедшего предварительных консультаций с руководством земель, вызвали резкую критику со стороны Баварии, протест от имени которой ее посланник в Берлине Конрад Риттер фон Прегер выразил руководству рейха уже 1 сентября 1921 года [1, с. 279–281]. Мюнхен выступил с осуждением акта «неприкрытого политического убийства», однако отказал рейху в праве распространять действие чрезвычайного положения на территории земли. Отказ был мотивирован необходимостью «справедливой политики» по отношению ко всем организациям без исключения. Действия центра Бавария склонна была расценивать как неприкрытое вмешательство во внутренние дела земель и посягательство на их суверенитет. Поэтому любые уступки в адрес Берлина, считал министр-президент Риттер фон Кар, «могли бы стать проявлением слабости местного руководства» и поводом к его неизбежной отставке [2, с. 131].

Рейх давно и пристально следил за развитием политической ситуации в Баварии, где из уст правых радикалов все громче звучали призывы к насильственной смене власти, подобно тем, которые не задолго до убийства Эрцбергера опубликовала националистическая газета «Шварцвельзер Фольксвахт», призывавшая «разбить череп Вирту» и пристрелить как «проклятую еврейскую свинью» Вальтера Ратенау. После смерти Эрцбергера многие жители земли не скрывали своей радости и ликования, которые приобретали порой формы общественных мероприятий «на улицах, в транспорте, многочисленных студенческих клубах и пивных» и наглядно свидетельствовали о политической культуре тех лет [3].

Баварию не устраивали односторонние действия центра, а усилия, связанные с обузданием экстремистских сил на ее территории, Мюнхен и вовсе считал своим внутренним делом. В запрете трех баварских газет «Мисбахер Анцайгер», «Мюнхенер Беобахтер» и «Фелькишер Беобахтер», осуществленном в соответствии с распоряжениями от 29–30 августа, Бавария усматривала проявление «централистско-унитарных тенденций» [4, с. 210–211; 1, с. 283–284]. По мнению членов местного правительства, распространение чрезвычайного положения на территории земли в момент, когда здесь продолжало действовать чрезвычайное положение от 1919 года, введенное кабинетом Гофмана, могло привести к

серьезным осложнением административного порядка и, наконец, к дезорганизации системы управления.

Отказ Баварии соблюдать субординацию в отношениях с центром толкал последний к принятию адекватных мер в соответствии с действующим законодательством. В то же время, не желая на ранней стадии создавать прецедент серьезного судебного разбирательства в только что созданной Высшей судебной палате рейх избрал путь переговоров. 7–8 сентября 1921 года они прошли в столице Германии с участием специальной имперской комиссии в составе канцлера, министра внутренних дел и министра юстиции, а также комиссии баварских представителей, в которую вошли баварский посланник Прегер, статс-секретарь внутренних дел Швейер, представители правящих партий (Гельд от Баварской народной партии (БНП), Гильберт от Немецкой национальной народной партии (НННП), Дирр от Немецкой демократической партии (НДП)) и ряд высокопоставленных чиновников [5, с. 115]. Центр отверг баварскую инициативу о проведении специального судебного расследования в отношении распоряжений от 29–30 августа 1921 года и согласился пойти на определенные уступки только в случае отмены баварского чрезвычайного положения [5, с. 115–120].

Отдельно «баварский вопрос» обсуждался также на совещании имперского правительства с участием Вирта, Шиффера, Граднауэра, Левальда, статс-секретаря Геммера, министерсальдиректора Мюллера и тайного советника Веффера. Как нереальное было воспринято требование Мюнхена, отменить аресты и запреты на проведение собраний. Вместе с тем правительство заявило о готовности делегировать землям право исполнения распоряжений рейха при условии осуществления контроля со стороны последнего [5, с. 122].

Предварительные итоги достигнутых в Берлине договоренностей вызвали неоднозначную реакцию в Мюнхене. В то время как ландтаг уже на заседании 10 сентября 1921 года готов был поддержать «берлинский компромисс», баварский кабинет во главе с Каром настаивал на дополнении согласованных условий пунктом, по которому чрезвычайное положение в Баварии подлежало отмене лишь в случае благоприятных для этого условий [2, с. 200]. Казалось, новый виток обострения ситуации неизбежен. Однако после того как 11 сентября за соглашение с Берлином высказалось большинство членов БНП, руководство которой видело в жесткой политической линии Кара серьезную угрозу стабильности в регионе, министр-президент вынужден был подать в отставку. Правящие в Баварии партии, за исключением НННП, а также социалистов и коммунистов были едины во мнении, что альтернативой срыву переговоров может быть только подчинение центру или сепаратизм [2, с. 199].

13 сентября на заседании межфракционной комиссии немецкого рейхстага Вирт потребовал от Баварии смятения занятой ею на переговорах позиции в качестве неотъемлемого условия преодоления кризиса [5, с. 94]. Гамбургский сенатор Петерсон, напротив, не исключал дальнейших уступок в адрес Баварии, которые могли бы стать позитивным сигналом со стороны рейха на отставку Кара, и вместе с Эркеленцом призывал не сбрасывать со счетов возможность судебного разбирательства [5, с. 94–96].

В таких условиях 21 сентября главой баварского кабинета был избран член БНП, имперский посланник в Бадене и Гессене Гуго граф Лерхенфельд-Кеферинг. Принадлежавший к умеренному крылу партии и обладавший, по свидетельству современников, дипломатическим чутьем и искусством ведения переговоров он стремился к скорейшему урегули-

рованию конфликта [6]. 24 сентября в Берлине возобновились двусторонние переговоры, завершившиеся в тот же день подписанием итогового протокола. В адрес Баварии был сделан ряд уступок, и в этом смысле компромисс, достигнутый при участии Лерхенфельда, имел очевидные преимущества перед договоренностями двухнедельной давности. Баварская сторона соглашалась с предложенным Берлином вариантом отмены распоряжений президента от 29 августа 1921 года и выражала готовность отменить действовавшее на ее территории чрезвычайное положение не позднее октября 1921 года. В случае новой чрезвычайной ситуации рейх брал на себя обязательства по проведению предварительных консультаций с землями. Возникший в ходе конфликта спор о конституционности баварских судов приостанавливался до момента введения в действие нового судебного кодекса, что гарантировало Мюнхену сохранение status quo в данном вопросе на ближайшие два с половиной года [5, с. 107; 4, с. 213–214].

27 сентября Берлинский протокол был одобрен баварским ландтагом. На следующий день Эберт издал новое распоряжение о защите республики, а Мюнхен отменил прежнее [1, с. 284]. Таким образом, де юре конфликт был урегулирован. Де факто он перешел в скрытую стадию своего развития и продолжал тлеть до тех пор, пока в июле 1922 года не разгорелся с новой силой.

Интересным в этой связи представляются суждения имперского представителя в Баварии графа Цеха. По его мнению, причину череды двусторонних конфликтов следовало искать не столько в особенностях национального характера баварцев, сколько в политической плоскости и, прежде всего, в позиции самого Кара, который, несмотря на членство в БНП, принадлежал скорее к лагерю немецких националистов, нежели умеренных [2, 263]. Цех обвинил Кара в тесных связях с праворадикальными политиками от НННП Ротом и Пенером и одобрил действия Лерхенфельда по исключению НННП из сферы активного влияния на принимаемые кабинетом министров решения.

Не менее серьезные нежели для Кара последствия кризис имел для БНП. Прошедший в последних числах октября съезд партии противоречия между БНП и Центром, вынудив Лерхенфельда балансировать между политиками ее правого и левого крыла. По мнению Цеха, в среде политической элиты Баварии существовало неверное восприятие государственно-правовой системы Веймарской республики и плохое знание конституции, вследствие чего все попытки рейха поддерживать стабильные конституционно-правовые отношения в стране расценивались не иначе, как вмешательство во внутренние дела субъектов и усиление процесса государственной централизации [2, с. 322–325]. В этой связи большие надежды имперский посланник возлагал на Лерхенфельда, призывая центр к его всемерной поддержке [2, с. 265–277].

Впрочем, умеренному в своих взглядах Лерхенфельду так и не удалось существенно повлиять на характер двусторонних отношений. Уже 12 января 1922 года в письме на имя баварского министра-президента Прегер жаловался на растущие противоречия между Берлином и Мюнхеном. Важной предпосылкой для налаживания взаимопонимания, по его мнению, могла бы стать поддержка баварской федеративной политики остальными немецкими землями [7, 1]. Что касается центра, то у баварского посланника были сомнения относительно его готовности идти навстречу регионам. Канцлера Вирта Прегер называл не только «искусным», но и «невероятно жестоким демагогом», у которого жалобы и предложения Баварии не вызывали ничего кроме недоверия и недоброжелательности. Унитарные

тенденции «левого толка» и постоянное вмешательство во внутренние дела земель создавали у посланника впечатление идущего в стране процесса неуклонного расширения компетенций центральных властей. Поэтому улучшение ситуации, по мнению Прегера, могло наступить лишь при условии наличия у рейха достаточной воли, чтобы «уважать права земель и не предпринимать без крайней нужды выходящих за их рамки действий» [7, с. 2–4].

Таким образом, конфликт между Баварией и рейхом 1921 года со всей очевидностью продемонстрировал, во-первых, несовершенство веймарской государственно-правовой системы, позволявшей по-разному трактовать одни и те же правовые нормы, во-вторых, нежелание земель мириться с их новым конституционным статусом, вытекавшим из существенно ослабленных позиций немецкого федерализма, в-третьих, стремление регионов активно противостоять процессу централизации Германии и, наконец, в-четвертых, различие во взглядах на развитие политической ситуации в стране.

Литература и источники

1. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Dokumente der Novemberrevolution und der Weimarer Republik 1918–1933. Hrsg. von E.R. Huber. 2. erw. Aufl. Stuttgart (u.a.), 1996.
2. Akten der Reichkanzlei // Bundesarchiv Koblenz (BAK), R43I/2229.
3. Asmuss B. Republik ohne Chance? Akzeptanz und Legitimation der Weimarer Republik in der deutschen Tagespresse zwischen 1918 und 1923. Berlin/New York, 1994. S. 347–348.
4. Huber E.R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd. VII: Ausbau, Schutz und Untergang der Weimarer Republik. Stuttgart, 1984.
5. Akten der Reichkanzlei // BAK, R43I/2215.
6. Zimmermann W.G. Bayern und Reich: 1918–1923. Der bayerische Federalismus zwischen Revolution und Reaktion. Muenchen, 1953. S. 111.
7. Schreiben der Bayerischen Gesandtschaft an Lerchenfeld, vom 12.01.1922 // Bayerisches Hauptstaatsarchiv, Berlin (Vertretungen), Nr. 1099, S. 1.

П. В. Борботько

ПРОГРАММНЫЕ УСТАНОВКИ ПАРТИЙ – ЧЛЕНОВ ВЕЙМАРСКОЙ КОАЛИЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ГРАЖДАНСКОГО И УГОЛОВНОГО ПРАВА ГЕРМАНИИ (1919–1923 ГГ.)

Законодательство империи (1870–1918 гг.) в значительной степени влияло на развитие правовой мысли правящих политических партий Веймарской республики при составлении ими программных документов. В первую очередь, это происходило по той причине, что все они, в период Германской империи, участвовали в работе представительных органов власти и получали соответствующий опыт работы. Вместе с тем, профессиональные юристы, являвшиеся членами указанных политических организаций в период 1919–1923 гг., получили свое юридическое образование и воспитание в предшествующий период. Свои правовые концепции и взгляды они черпали из полученного ранее опыта.

Все партии до 1919 года сходились на мысли о том, что источниками права и правовой мысли должны по-прежнему оставаться: римское право, прусский и саксонский кодексы, кодексы Наполеона, местное обычное право. Юристы предшествующего времени разработали и ввели в действие два кодифицированных нормативно-правовых акта – Германское гражданское уложение (1896) и Уголовное уложение Германской империи (1871). Оба нормативно-правовых акта повлияли на развитие законотворческого процесса Веймарской